

РОССИЯ, РОССИЯ – МОЙ ВОЗДУХ И СВЕТ!..

Робинзоны

Когда в глухомани таежной
Мужик свою семью укрыл,
Не ведал чиновник-безбродник,
Что кто-то его обхитрил.

Он сам убеждался в ту пору
Что все перекрыты пути,
Что ни за леса, ни за горы
Тайком никому не уйти.

И все же в глуши непролазной
Таила укрыться тайга,
Куда за столетья ни разу
Ничья не ступала нога.

В тот край; недоступный и дикий,
Пройдя за кругами круги,
Сельчанин Карп Осыпыч Лыков
Пробрался сквозь дебри тайги.

И был это подвиг великий
В двадцатый анафемский век...
Спасибо, Карп Осыпыч Лыков,
За твой легендарный побег.

У всех россиян на планете
Твои робинзоны в дню
Отваге твоей и талантам
Завидуют люди свои.

В краях, от джунглей до степей,
Куда нога не ступала,
Как в кельях живут робинзоны,
Отшельники бродячие свои.

А в самых глухих деревнях,
Порой в три-четыре века,
Скрипят старинные деревянные
Невольники горючей судьбы.

Всю жизнь они тяжело трудились,
Как деды миссурийских времен,
И с отчей землей не ссорились,
Ни в город и ни за границу.

И старые, и молодые
Здесь жили в тишине своей,
Теперь только в рубль и копейку
Кой-где одерживают деньги.

По этим дымкам отдалённым
Окрестный народ узнаёт,
Что живы пока робинзоны,
С кем имя деревни живёт.

Они, уповая на Бога,
Как чуда волшебного ждут,
Что если проложат дорогу,
То свет им и газ проведут.

Тогда кое-кто возвратятся,
Кто в город когда-то ушёл.
Тогда и начнут возрождаться
Основы покинутых сёл.

Тогда от Камчатки до Пскова
Запляшут в лесах топоры,
И тишь робинзонскую снова
Взорвут голоса детворы.

Прости

Прости меня, крестьянский двор,
За то, что много лет
И я стрелял в тебя в упор
Через прицел газет.

Прости за юношеский пыл,
За журналистский нрав,
За то, что я с тобою был
В суждениях неправ.

Я целил словом в огород
И желчи не жалел,
Мол, отвлекает он народ
От наших общих дел.

Да и центральная печать
Почти что каждый день
Не уставала осуждать
Подворье деревень...

Послевоенные года
мне больно вспоминать.
Еще работали тогда
В селе отец и мать.

И в них, выходит, я бросал
Упрек обидных строк?
Отец лишь горестно вздыхал
И возражал как мог:

«Да если бы не огород
И то, что он давал,
Не знай бы как в селе народ
И жил, и выживал.

Был огород – села оплот,
А в грозных годах
С пшеничным полем огород
Стоял в одних рядах.

Зачем крестьянский двор клянем?
Ведь до того дошло,
Что молоко и хлеб несем
Из города в село...»

Ушли года не без следа,
Но годы ли корить?
Да как такое мы тогда
Решались говорить?
Нам не подворье б запрещать,
А помнить на века,
Что как нелепо превращать
Кормильца в едока!

***

Позвольте сказать,
Дорогие поэты,
Кто дышит поэзией
В нашем краю.
Да, многое нами
Воспето и спето,
Когда выражаем
Мы душу свою.

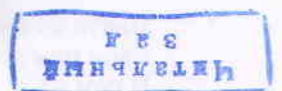
Мы каждый по-своему
В лирике «пашем»,
Но жаль, что порой
Содержанье стиха
Не пахнет ни Русью,
Ни временем нашим,
Хоть ставь под стихами любые века.

Мы жизнь наблюдаем
Сквозь рамы двойные,
Не слыша о чем
За окном говорят.
Не видим того,
Что хапуги России
Химичат, ловчат
И казну потрошат.

Они всю державу
Кольцом окружили,
Чтоб сесть на нее,
Как на лошадь верхом.
Ах, как она ждет,
Чтоб ее защитили
Поэты России
Набатным стихом!

Ах, как она
Ждет от нас
Бурного Слова,
Глыбистой,
Зубастой,
Разящей строки,
Чтоб наши глаголы
Звучали сурово
И были остры,
Как в атаке штыки.

Чтоб слово поэта
Во всю свою силу
Мошенникам гнев
Выражало сполна;
Чтоб верой и правдой
России служило, -
Она ведь у всех у нас
Только одна!

Раздумье

Я много лет стремился к счастью
На крыльях радужной мечты.
И всю юношескую страстью
Считал, что счастье – это ты!

Мне ничего не улыбалось,
Я не обласкан был судьбой.
И счастье дальше отдалялось
С недостижимой тобой.

Но почему, не знаю, право,
Об этом память берегу,
Коль оставались
Ты – на правом,
А я – на левом берегу?

Нас волны Волги разделяли
В те безмятежные года,
И лишь стихи переплывали
К тебе на берег иногда.

Они от строчки и до строчки,
От запятой до запятой,
От многоточия до точки
Насквозь пропитаны тобой.

Наверно, все мои волнения
Зажгли в душе такой костер,
В котором угли вдохновения
Не остывают до сих пор.

Когда об этом размышляю,
Парю в кудрявых облаках
И с грустью лирику читаю,
Как биографию в стихах.

Я знал...

Я знал: любимые уходят,
Хоть их держи, хоть не держи.
И только боли не проходят
От грустных дум в душе души.

Я знал, что время свое скажет
О наступлении конца,
И волжский мост уже не свяжет
Ни души наши, ни сердца.

Но нас незримо разделяли
Не часовые пояса,
Не расстояния и дали -
Совсем иные полюса.

Никто из нас не мог решиться
Свои причалы разломать...
И нам молиться да молиться
За эту божью благодать.

Ты все такая же огневая,
Такой же милый человек,
И я тебя не осуждаю
За твой разрыв и твой побег.

И все ж в душе,
Как после взрыва.
И мне повитно – почему:
Как с гончаровского обрыва
Тогда метнулась ты к нему.

А он не тот, к кому стремились
Душой и сердцем в час хмельной,
Не потому ль и поделилась
Своим отчаяньем со мной.

Была нежна ты и шутивая,
Как в те юношеские года.
Как будто не было разрыва
У нас с тобой никогда.

Сверкнула ты
В тот дальний вечер,
Как на закате солнца луч...
Благодарю за отблеск встречи,
Что принесла ты
С волжских круч.

Спасибо, Благов

Порой в такие дебри выйдешь
На литературском пути,
Что даже выходящий не видишь,
Куда идти и как идти.
Тебе в ответ уже ни звука,
Как будто выключен белый свет...
Ох, как нужна тут помощь друга,
Его поддержка и совет.

А ты, наш друг, всегда был рядом
И многим в творчестве помог.
Но и добрал как без пощады
За пустословие слабых строк.
Ты духом был могуч и крепок,
Как и твой музыкальный стих.
Ты даже в буре был как спянок
С богатейшей бланкой ронных.

Ты относился к слову строго
И чистоту его берег.
И по-библейски, как пророкам,
Тебе «И Слово было Бог»
Оно – душа твоя основа –
Всходило солнцем из зари.
Ты в слове видел
Больше слова,
Ты его слышал изнутри.

Твое народное жар-слово
Сияло с множества страниц,
Звеня струей родниковой
Свежее мартовских снежков.

В стихах и удаль, и раздумье,
И речь, и труд, и был выхвачен
С их сельской радостью и болью,
С их вечной ответственностью крестьян.

И не уйти уже от факта,
 Что ты с талантом золотым
 Шел в одиночку
 Своим трактором
 И пролагал его другим.
 Чтобы и мы строкой сердечной
 Шли за тобою напрямик,
 Сквозь буреломный ветер встречный,
 На пик, какого ты достиг.

И с высоты, как с небосвода,
 Ты учишь лирикой опять:
 Как у природы и народа
 Лицо души изображать.
 И потому отрадно снова
 От осознания того...

Спасибо, Благов,
 За жар-слово –
 Жар-птицу сердца твоего!

Уроки Хмарского¹

Нам часто Хмарский говорил, бывало:
 - В литературе спешка не нужна.
 Уж если Муза вас очаровала,
 Не забывайте – каторга она!

А если душу посвятить решили
 Созданию острых и горячих строк,
 То, значит, вы себя приговорили,
 Как в рудники, на бесконечный срок.

И там, к перу прикладывая руки,
 Убеждаться будете не раз,
 Что добывать пленительные звуки,
 Куда труднее, чем добыть алмаз.

Когда же ваши робкие глаголы
 Протопчут след к печатному станку,
 Со всех сторон посыплются уколы,
 Вонзая иглы в каждую строку.

Суждений – лес: и лестных и нелестных,
 Десятки – «против», единицы – «за».
 Лъстецы поднимут до высот небесных,
 А друг вам правду выскажет в глаза.

Возможно, правду дружескую эту
 Терпеть кому-то будет тяжело,
 «Но не к лицу заносчивость поэту», -
 Как выражался классик Буало.

Не спорьте, если критикуют строго,
 Умейте слушать, а не возражать.
 Коль Слово нам даровано от Бога,
 Стремитесь Слово точно выразить...

Ах, дорогой Иван Димитрич Хмарский,
 В литературной группе «Черемшан»
 Умели Вы советом и подсказкой
 Развевать наш лирический туман.

Профессор, критик, журналист, художник,
 Искусствовед, прозаик и поэт,
 Талантом ярким с искоркою Божьей
 Надолго в нас оставили вы след.

Мы замирали и благоговели,
 Воспринимая добрый ваш совет.
 Мы вышли все из Вашей колыбели,
 Окончив лично Ваш литфакультет.

И тут ни льстить не надо, ни лукавить,
 Но мы о Вас сердечно говорим:
 Что рядом с Хмарским некого поставить:
 И несравним он, и неповторим!

Дуб – атлант

Сколько лет за твоими плечами!
 Ты, наверно, и сам позабыл.
 Кто месил эту землю лаптями
 И в дубраве тебя посадил.

Не одна тебя буря качала,
 Про тебя говорили не зря,
 Что за век свой
 Ни много ни мало
 Пережил ты четыре царя.

А весной были здесь лесорубы
 И спилили могучий твой ствол.
 И остался от древнего дуба
 Только пенек,
 Широченный, как стол.

Но твоя не повержена слава,
 И она от тебя не ушла.
 Ты по праву почетное право
 Заслужил в новой школе села.

Ты послужишь ей многие годы
 Всею мощью накопленных сил.
 Как атлант, ее школьные своды
 Ты на плечи свои подхватил.

А по всей необъятной округе,
 Свои корни в земле закрепя,
 Поднялись твои дети и внуки
 И шуршат, вспоминая тебя.

Вон как ветер листочки полощет,
 И свистит, и звенит, и поет.
 А народ в честь тебя эту рощу
 Величаво дубравой зовет.

За дубами нам всем не угнаться,
 Не шагать далеко за века...

Но хотелось бы тоже остаться
 На земле хоть строкою стиха.

¹ Иван Дмитриевич Хмарский (1914 - 2001), фронтовик, журналист, прозаик, кандидат педагогических наук, руководитель литературной группы «Черемшан».